

слишком поздно понял серьезность ситуации, когда от него отвернулись некоторые из родственников, в том числе собственная дочь, он решил в декабре 1688 г. бежать из Англии.

Вильгельм III лично не был настроен проводить жесткую политику религиозных преследований. Но антикатолические настроения были настолько сильны, что в 1689 г. католики были исключены из Декларации о веротерпимости. В Билле о правах 1689 г. было оговорено условие, что никто из правящей семьи будучи католиком или заключивший брак с католиком не мог претендовать на трон. Католикам запрещалось проживать в пределах 10 миль от Лондона, держать в доме оружие, боеприпасы или лошадей стоимостью больше 10 фунтов. Они не могли быть адвокатами или поверенными, голосовать на парламентских выборах, посылать детей для образования за границу и пр.

Таким образом, правление в Англии королей, доброжелательно настроенных к католикам и даже принявших католицизм, не принесло пользы приверженцам католической церкви. Наоборот, действия Карла II и Якова II, направленные на облегчение их участи, только настроили против католиков протестантское большинство.

Примечания

- 1 См.: *Clancy T. H. Papist Pamphleteers: the Allen-Persons Party and the Political Thought of the Counter-Reformation in England, 1572–1615.* Chicago, 1964; *Holmes P. Resistance and Compromise: the Political Thought of the Elizabethan Catholics.* Cambridge, 1982; *Pritchard A. Catholic Loyalty in Elizabethan England.* Chapel Hill, North Carolina, 1979.
- 2 См.: *Hopfl H. Jesuit Political Thought: the Society of Jesus and the State, c. 1540–1630.* Cambridge, 2004; *Lake P. The King (the Queen) and the Jesuit: James and I's 'Trew Law of Free Monarchies' in Context's // Transactions of the Royal Historical Society. 6th series. 2004. Iss. 14 ; *Sommerville J. P. Papalist Political Thought and the**

Controversy over the Oath of Allegiance // Catholics and the 'Protestant Nation' / ed. by E. Shagan. Manchester, 2005.

- 3 *Bossy J. The English Catholic Community, 1570–1850.* L., 1975; *Miller J. Popery and politics in England. 1660–1688.* L., 1973; *Haley K. No Popery in the reign of Charles II // Britain and the Netherlands. The Hague, 1975. Vol. 5. P. 102–119.*
- 4 *Серегина А. Ю. Политическая мысль английских католиков второй половины XVI – начала XVII вв.* СПб., 2006; *Серегина А. Ю. Англичане или католики? Католические памфлетисты XVI – начала XVII века в истории английской политической мысли // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 34. М., 2011.*
- 5 *Лабутина Т. Л. Антикатолицизм в Англии в правление последних Стюартов. 1660–1714 // Религиозная политика в Европе в XVI–XX вв. Смоленск, 1998.*
- 6 *Evelyn J. The Diary of John Evelyn, esq., F. R. S. From 1641 to 1705-6. With Memoir. L., 1890; Pepys S. The Diary of Samuel Pepys / A new and complete transcription ed. by R. Lattam and W. Matthews. L., 1971. Vol. I–III.*
- 7 *Pepys S. Op. cit. Vol. I. P. 52.*
- 8 *Ibid. P. 77.*
- 9 *Ibid. P. 124.*
- 10 *Evelyn J. Op. cit. P. 264–265.*
- 11 *Ibid. Vol. II. P. 87.*
- 12 *An Act for preventing Dangers which may happen from Popish Recusants // Statutes of the Realm. 1628–1680. L., 1819. V. 5. P. 782–785.*
- 13 *Evelyn J. Op. cit. P. 377.*
- 14 *Lane J. Titus Oates. L., 1949.*
- 15 *Evelyn J. Op. cit. P. 406.*
- 16 *Leys M. D. R. Catholics in England 1559–1829. A Social History. L., 1961. P. 101.*
- 17 *Evelyn J. Op. cit. P. 469.*
- 18 *Declaration of Indulgence of King James II, April 4, 1687 // English Historical Documents, 1660–1714 / ed. by A. Browning. L., 1953. P. 399–400.*
- 19 *Harris T. Revolution: The Great Crisis of the British Monarch, 1685–1720. Allen Lane, 2006. P. 211.*

УДК 303.446.4(470) [18] + 929 Грановский

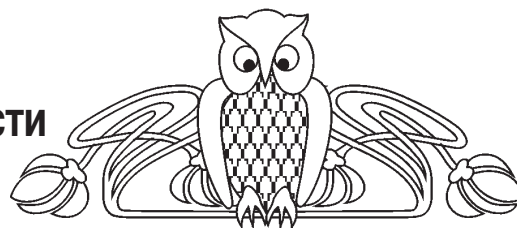
СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ СЛАВЯН В НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Т. Н. ГРАНОВСКОГО

А. Н. Галямичев

Саратовский государственный университет
E-mail: galymichev57@mail.ru

В статье рассматривается отношение видного русского историка середины XIX в. Т. Н. Грановского к исторической роли славянских народов и его вклад в изучение средневекового прошлого западных славян.

Ключевые слова: историография, история западных славян, Т. Н. Грановский.

Medieval History of Slaves in Scientific-pedagogical Activity T. N. Granovsky

A. N. Galyamichev

The author of this article examine the evaluation of famous Russian historian T. N. Granovsky (1813 – 1855) of historical role Slavic peoples and define his contribution in study of history of Western Slaves in the Middle Ages.

Key words: history of historical writing, history of Western Slaves, T. N. Granovsky

Одной из знаменательных дат наступившего года является 200-летний юбилей со дня рождения Тимофея Николаевича Грановского (1813–1855).

Жизнь Грановского оставила глубокий след в истории России. Каждый из нас впервые познакомился с его именем ещё на школьных уроках истории. Уникальность личности и жизненного пути Грановского определяется тем, что по роду своей деятельности он, казалось бы, бесконечно далёк от жизненно важных проблем развития российского общества своего времени: Грановский был историком-медиевистом, преподавателем и исследователем истории европейского средневековья. Тем не менее его личность стала своего рода символом 30–40-х гг., названных А. И. Герценом «временем наружного рабства и внутреннего освобождения», а по определению А. А. Левандовского, «временем Грановского»¹.

Научная и общественная деятельность Грановского изучены достаточно хорошо, однако есть, на наш взгляд, и такие вопросы, которые не привлекали к себе специального внимания исследователей. К числу такого рода вопросов относится, в частности, рассмотрение вклада Грановского в дело изучения средневековой истории зарубежных славянских народов.

Специальной постановке этого вопроса препятствовало, по крайней мере, два обстоятельства, ставивших под сомнение саму её правомерность. Во-первых, история славян не являлась областью научной специализации Грановского. От исторической славистики его отделял своего рода «межведомственный барьер»: Грановский являлся профессором кафедры всеобщей истории Московского университета, в структуре которого согласно университетскому уставу 1835 г. одновременно была образована и работала кафедра истории и литературы славянских наречий, работники которой внесли большой вклад в становление основ научного славяноведения в нашей стране.

В знаменитом курсе лекций по истории средних веков, который Грановский читал в Московском университете, заметное освещение нашла лишь одна из важных проблем средневековой истории зарубежных славян – проблема осмысления сущности и исторического значения гуситского движения в Чехии.

В своих лекциях Грановский подчёркивал национально-освободительный характер гуситского движения, но вместе с тем и его неразрывную связь с религиозными и социальными движениями в странах Западной Европы, а также его исключительно важную роль в подготовке европейской Реформации XVI в.²

Вторая, ещё более значимая причина недостаточного внимания к месту историко-славистических сюжетов в научном наследии Грановского – принадлежность историка к тому направлению

русской общественной мысли середины XIX в., которое принято называть западничеством. Западничество, отстаивая мысль об органическом единстве всемирно-исторического процесса, складывалось и оформлялось в борьбе со славянофильством, представители которого, будучи страстными поклонниками русской и славянской старины, сделали очень много для научного изучения истории славян.

Внимательное рассмотрение творческой биографии Грановского позволяет – вопреки указанным стереотипам её восприятия – сделать вывод о том, что славянская тематика играла одну из первостепенно важных ролей в начальный период его научной деятельности, до середины 1840-х гг.

Находясь в Берлине, куда он был направлен «для усовершенствования в науках» и подготовки к профессорскому званию в мае 1836 г., Грановский, определяя проблематику своей магистерской диссертации, долгое время склонялся к изучению истории зарубежных славянских народов.

Важно при этом отметить, что такой выбор был связан с тем огромным интересом к славянству, который вырос в первые десятилетия XIX в. в русском обществе. Грановский, подобно многим русским современникам, придавал славянскому вопросу очень большое значение, видя великое будущее славянского мира и связывая путь к этому будущему с особой ролью России. Для того чтобы составить представление об этой стороне взглядов Грановского, будет, на наш взгляд, уместно вспомнить один из эпизодов его жизни в Берлине, рассказ о котором дошёл до нас благодаря мемуаристу и другу Грановского Я. М. Неверову.

Однажды (в 1837 г.) в одном из берлинских ресторанов друзьям довелось встретиться с компанией молодых поляков. «С заметным намерением сделать нам неприятность, один из них, – вспоминает мемуарист, – вынул какой-то французский памфлетик, наполненный ругательствами против России, и начал громко читать вслух. Чтение кончилось возмутительным тостом для русских»³.

Достигшее высшей точки напряжение («Помню, что из нашего общества – первый вскипел Иван Сергеевич Тургенев»⁴), по свидетельству мемуариста, было снято ответным тостом Грановского: «Грановский тотчас остановил его (И. С. Тургенева. – А. Г.), прося предоставить ему уладить это дело, и приказал дать шампанское». Подняв бокал, Грановский произнёс тост, смысл которого, по воспоминаниям Я. М. Неверова, состоял в следующем: «Друзья! Наши братья по происхождению и истории поносят нас и низвергают проклятия на Россию, приписывая ей свои несчастья. Пожалеем о них и, вместо слова ненависти, обратим к ним слово любви. В великом вопросе: кому из двух главных племён славянских стоять во главе исторического развития, – судьба решила в пользу России. Если им извинительно сожалеть о том, что Провидение предпочло им нас, то непростительно было бы нам гордиться

этим предпочтением, потому что мы здесь только орудие той воли, которая дала нам силу для высших целей, и наша слава должна заключаться не в том – кому из народов славянских вести славянскую семью по пути развития их исторического, но в том, чтобы исполнив волю Провидения и поставить славян во главе исторического развития. Пока отложим нашей стороны раннюю гордость, а с их – несправедливую и бесцельную злобу и братски соединимся в стремлении к высокой цели – соделать племя славян первенствующим на историческом поприще. Сыны Польши должны сожалеть об исторических ошибках своих отцов, а не упрекать в них Россию; они должны действовать с нею, а не против неё, чтобы стоять в истории не под именем немцев или французов, но под именем славян, равно близким и дорогим их и нашему сердцу. И так, да погибнет ненависть славянская, и да соединятся все славяне любовью в стремлении к высокой, указанной им Провидением цели, смиренно покоряясь ему в том, что оно предоставило вести их к ней России, никогда не искавшей этого высокого, но тяжёлого избрания!»⁵ Речь Грановского произвела сильное впечатление на всех присутствующих. «Поляки и русские, – вспоминал Неверов, – дружески обнимались, и с тех пор между нами не было столкновений»⁶.

Намерения Грановского посвятить своё первое диссертационное исследование одному из вопросов истории славян были настолько серьёзными, что ещё летом 1836 г. он «располагался ехать в Саксонию и Прагу для изучения быта славян» и изучать чешский язык⁷. Зимой 1838 г. начинающий исследователь писал своему другу Н. В. Станкевичу: «Летом стану учиться по-богемски и по-сербски»⁸, а весной того же года он, наконец, сумел побывать в Праге, по праву считавшейся столицей Славянского Возрождения в землях Австрийской империи. Прибыв в Прагу 26 апреля, Грановский провёл в древней столице Чехии около трёх недель, погрузившись в атмосферу её неповторимой природной и культурно-исторической среды. «Прагу исходил вдоль и поперёк, – писал он московским друзьям, – Чудный город. Почти с каждым домом соединено историческое воспоминание. Окрестности очаровательны... Сделал огромное путешествие по окрестностям Праги, между прочим, на Жижкову гору. Вид чудесный! Чехи часто ходят сюда, потому что с этой горы гуссит Жижка (которого вы, не знающие по-чешски, называете Зискою; жалкие люди!) вогнал в реку 17 000 немцев и потопил их до одного. Я, гуляя, узнал историю Праги, которую один мой здешний знакомый называет *historia aedificata*»⁹¹⁰.

В Праге Грановский познакомился с виднейшими деятелями Чешского Национального Возрождения (П. Й. Шафариком, Ф. Палацким, Й. Юнгманном, Ф. Л. Челяковским), общение с которыми произвело на него глубокое впечат-

ление. В письме к Н. В. Станкевичу и Я. М. Неверову он упрекает первого в том, что будучи в Праге, тот «смотрел духовными очами (буде у него таковые есть) совсем не туда, куда надобно»¹¹, не воздав должного чешским «будителям». «Без шуток, – продолжает Грановский, обращаясь непосредственно к Н. В. Станкевичу, – душа, моя, ты очень абстрактно посмотрел на этих людей и не отдал им справедливости. Можно не соглашаться с ними, находить их идеи неисполнимыми и преувеличенными, и в этом я с тобою согласен. Но вменять им убеждения в недостаток, в односторонность – несправедливо»¹².

Особым уважением Грановский проникся к П. Й. Шафарику¹³, в разговорах с которым много внимания было уделено вопросу об исторической роли славян. В письме к В. Григорьеву он отмечал: «Из учёных Чехов я познакомился с Шафариком и Челяковским. У первого провёл вчера целый вечер. Чудесный человек! Велик и учёностью, и характером... при всём моём уважении к его огромным сведениям, я не могу согласиться, что славяне не менее немцев участвовали во всемирной истории. Мне кажется, что нам принадлежит будущее, а от прошедшего мы должны отказаться в пользу других. Мы не в убытке при этом разделе»¹⁴. Таким образом, в Праге впервые Грановский столкнулся с тем, что впоследствии стало предметом его споров с русскими славянофилами – с утратой чувства меры, принципа научной объективности при осмыслении исторической роли славянства, причём уже тогда проявилось свойственное ему на всём жизненном пути убеждение в том, что «идейные расхождения могут при известных условиях и не исключать личных симпатий и даже уважения»¹⁵. Вопрос же об исторической роли славян показался историку настолько важным, что, по свидетельству А. В. Станкевича, «в Грановском родилось желание написать статью о положении славянских племён, чтобы высказать всё виденное, слышанное и передуманное об этом предмете в Праге, но он сомневался в возможности напечатать такую статью в России»¹⁶.

Знакомству Грановского с виднейшими чешскими учёными и писателями содействовали молодые русские исследователи, направленные в Прагу с той же целью, что и Грановский в Берлин. Будущий профессор Московского университета О. М. Бодянский был при этом главным действующим лицом. Он и другой русский историк-славист, впоследствии профессор и ректор Киевского университета имени Св. Владимира Н. Д. Иванишев, познакомили Грановского с чешскими учёными библиотеками и архивами, делились результатами своей работы, что было для него особенно важно для определения темы магистерской диссертации. Особенно интересными показались Грановскому архивные разыскания Н. Д. Иванишева: «Больше всех сделал Иванишев, который нашёл много важных памятников славянского законодательства и

собирается издавать их. Он вовсе не энтузиаст и не славянофил, но уверял меня, что древнее славянское право несравненно выше современного ему немецкого по строгой системе и духу свободы, каким оно проникнуто. В самом деле, сколько я теперь знаю, чехи 13 и 14 века были гораздо образованнее и свободнее в конституционном смысле всех тогдашних немцев»¹⁷.

С огромным увлечением Грановский приступил к изучению чешского и других славянских языков. По прибытии в Прагу он писал В. Григорьеву: «Я хочу начать здесь учиться по-богемски, а в Вене займусь и сербским. По-польски выучусь уже в России»¹⁸. О своих лингвистических занятиях он сообщал в отправленном 20 мая из Вены письме к Н. В. Станкевичу и Я. М. Неверову: «Богемским языком занимаюсь усердно и довольно оригинально. Я начал с самого древнего памятника языка, с Краледворской рукописи¹⁹, прочту две-три хроники позднейшего времени, а кончу стихотворениями Коллара. Таким образом я познакомлюсь с историей языка: для руководства читаю Добровского грамматику и историю богемской литературы»²⁰. Но уже в этом письме впервые прозвучали и нотки разочарования: «Легко, но пользы будет менее, нежели я думал. Литература чехов очень бедна. Скоро стану учиться по-сербски. У этих по крайней мере богатое собрание исторических песен»²¹. Ещё большее разочарование звучит в письме Грановского к Я. М. Неверову из Вены, отправленном 12 июня 1838 г.: «Славянскими языками занимаюсь мало, во-первых, потому, что легко, а во-вторых, потому что жестоко надулся: они могут быть полезны для филологических исследований, следовательно, и для истории, но я совсем другого ишу в этой науке. Меня почти исключительно занимает развитие политической формы и учреждений. Это одностороннее направление, но я не могу из него вырваться. Литературы нет ни у чехов, ни у сербов, исторических источников также. Всё это истреблено, а новое только in Werden»^{22,23}.

Таким образом, планам Грановского написать диссертацию, посвящённую истории славян, не суждено было сбыться. Тем не менее его магистерская диссертация «Волин, Иомсбург и Винета», работу над которой он завершил уже в Москве осенью 1844 г., имела непосредственное отношение к славянской истории. Она была посвящена критическому анализу истории возникновения красивой легенды о «величественной Винете – северной Венеции, поглощённой морем за гордость, рождённую в ней безмерным богатством»²⁴, в которой, как показал в своей диссертации Грановский, соединились сообщения средневековых летописцев о построенной в славянском Поморье крепости скандинавских викингов Иомсбурге и древнем городе балтийских славян Волине.

Защита магистерской диссертации Т. Н. Грановского стала событием настолько большого общественно-политического значения, что оно

оттеснило на второй план её научное содержание. Диспут, состоявшийся 21 февраля 1845 г. в Московском университете, представлял собой не только научную дискуссию, но и столкновение двух мировоззрений, двух жизненных позиций.

С начала своей преподавательской деятельности в Московском университете Грановский стал приобретать огромный авторитет среди студентов, который после начала чтения им публичных лекций по истории средних веков стал перерастать рамки университета. Лекции Грановского, в которых органически сочетались изящество формы и глубина содержания, смелость обобщений, стали мощным фактором формирования общественного мнения. Сторонники обновления России находили в них ответы на многие волновавшие их вопросы, утверждались в своих убеждениях.

Стремительный рост популярности Грановского вызывал резкое недовольство части профессуры, вызванное, с одной стороны, их приверженностью к реакционно-охранительным взглядам, с другой – чувством ревности и зависти к успехам молодого историка. Главным противником Грановского был декан историко-филологического факультета И. И. Давыдов²⁵, чинивший, пользуясь своим административным положением, всяческие препятствия творческой работе молодого преподавателя²⁶.

Он сделал всё возможное, чтобы не допустить подготовленную Грановским диссертацию к защите. Её содержание представлялось как попытка ниспровержения одной из славянских святынь представителем «развратной западной науки»²⁷. В московском обществе его пытались представить «интриганом, тайным виновником всех оскорблений, которые наносятся славянству»²⁸. В письме к Н. Х. Кетчеру от 1 (или) 2 января 1845 г. Грановский писал: «Диссертацию я не защищаю до сих пор, потому что друзья мои Давыдов и Шевырёв при пособии Бодянского²⁹ хотели возвратить мне её с позором. Я просто не взял и потребовал от них письменного изложения причины. Разумеется, они уступили»³⁰.

О состоявшейся 21 февраля 1845 г. защите магистерской диссертации Грановского сохранилась яркая дневниковая запись А. И. Герцена: «Третьего дня Грановский защищал свою диссертацию о Иомсбурге и Винете. Это было публичным и торжественным поражением славянофилов и публичной овацией Грановского. Нападки были деланы с невероятной дерзостью, с цинизмом, грубым до отвратительности³¹; Грановский отвечал тихо, спокойно, кротко, вежливо, улыбаясь; нравственно оппоненты были уничтожены им. Но толстая шкура их не поняла бы этого. Другой голос посильнее осудил их. Грановский был встречен громом рукоплесканий, каждое слово Бодянского награждалось всеобщим шиканьем. Изъявления эти были так сильны и энергически, что никто и не подумал останавливать их. Сверх дерзости в выражениях гнусные проделки Шевырёва, Бо-

данского и других были известны всей публике, на них смотрели с омерзением. Когда кончился диспут, и граф Строганов поздравил Грановского, раздались «Vivat! Vivat!», продолжавшиеся с четверть часа. На лестнице потом увидели как-то опять Грановского – и новые рукоплескания; даже перед университетом собралась толпа студентов, ожидавшая его выхода, но её уговорили разойтись. Этот день торжества Грановского да вместе с тем торжества всего университета. Университет доказал, что он имеет и мнение и голос»³².

Опасаясь, что студенческая поддержка может вылиться в массовые демонстрации, университетское начальство попросило Грановского предупредить новые выражения симпатий его слушателей. Он выполнил это пожелание, обратившись на первой после защиты диссертации лекции к аудитории со словами, которые очень точно передают его жизненное и научное кредо: «Позвольте мне обратиться к вам с просьбой: я осмеливаюсь просить вас, милостивые государи, не изъяслять более наружным образом вашего сочувствия... Зачем наружные знаки, вы и я принадлежим к новому поколению, мы имеем общее прекрасное дело: посвятим занятия наши серьёзно изучению России, служению России – России, вышедшей из рук Петра I, равно удаляясь от пристрастных клевет иноземцев и от старческого желания восстановить древнюю Русь во всей её односторонности»³³.

Защита Т. Н. Грановским магистерской диссертации была, возможно, кульминационным пунктом всей его научно-педагогической деятельности³⁴, поскольку от исхода этого научного диспута зависела сама возможность продолжения его работы в Московском университете, и к этому событию в большой мере причастна средневековая история западных славян.

В дальнейшем ему не доводилось обращаться к вопросам славянской истории в своих лекционных курсах, создавать крупных исследований монографического характера по истории зарубежных славян, однако вопросы их истории не переставали его волновать, а некоторые высказанные им мысли и оценки сыграли роль плодотворных импульсов к дальнейшему осмыслению проблем истории славян в исследованиях русских историков второй половины XIX – начала XX в. В этой связи принято особенно выделять статью Грановского «О родовом быте древних германцев» (1855), которая, по оценке Е. В. Гутновой и С. А. Асиновской, данной в 1987 г., «вообще заслуживает особенного внимания как замечательный образец исследовательских возможностей историка и сохраняет по своим выводам значение до сих пор»³⁵. Статья открывала перспективы сравнительного изучения славянской и германской общины – проблемы, занявшей видное место в русской науке второй половины XIX в., в разработке которой она достигла огромных успехов.

Обращалось внимание и на опубликованную в 1850 г. рецензию Грановского на книгу П. Е. Медовикова «Латинские императоры в Константинополе», где он обращается к вопросу о роли славян в истории Византии и, по оценке М. А. Алпатова, по существу наметил «все основные положения, развитые впоследствии в работах Васильевского и Успенского»³⁶ – корифеев русского и мирового византиноведения, работы которых заставили пересмотреть устоявшиеся взгляды на историю Византии.

Однако вопрос о значении научного наследия Грановского до сих пор остаётся дискуссионным, и в 1956 г. советский академик Е. А. Косминский должен был специально отметить: «Здесь надо прежде всего возразить тем, кто отказывался видеть в Грановском настоящего учёного-исследователя, а усматривал в нём лишь талантливого, но поверхностного популяризатора западноевропейской науки. Такое мнение поддерживалось некоторыми современниками Грановского, высказывалось оно и позднейшими историками. Чем бы ни диктовалось подобное мнение – оно совершенно ложно. Грановский сравнительно мало писал, ещё меньше печатался... Но и того, что он написал, достаточно, чтобы не осталось никаких сомнений, что перед нами крупный учёный, стоявший на высоте современной ему науки, один из наиболее передовых учёных своего времени»³⁷.

Такая оценка научного значения наследия Грановского представляется мне наиболее близкой к истине, а одним из истоков споров по этому вопросу видится само понимание предназначения исторического исследования, вопроса о его адресате. В связи с этим представляется недооценённым научное значение магистерской диссертации Грановского. Написанная прекрасным литературным языком, тщательно выстроенная логически, она, с одной стороны, даёт ясный и убедительный ответ на тот вопрос, который составлял предмет её исследования, но вместе с тем открывает и новые перспективы. В частности, увлекательное повествование Грановского подводит к постановке вопроса об истории славянского Поморья в эпоху викингов (для чего современная наука располагает постоянно умножающимся археологическим материалом). Не менее интересным видится и сама история становления преданий о Винете. Как отмечал Грановский в заключительных строках своей работы, «у них есть свой смысл, своё независимое достоинство и значение»³⁸. Образ Винеты пустил глубокие корни в исторической памяти народов Прибалтики, стал органической частью их культурного наследия (достаточно вспомнить о том, что легендарному городу посвящена одноимённая новелла выдающейся шведской писательницы Сельмы Лагерлёф, а, кроме того, Винета стала одним из мест действия её всемирно известной сказочной повести «Чудесное путешествие Нильса с дикими

ми гусями»), и потому многовековая история его становления требует обстоятельного осмысления.

Те, кто склонен недооценивать научной составляющей наследия Грановского, даже неоспоримый художественно-литературный талант историка превращают едва ли не в недостаток. Особенно характерно в этой связи высказывание В. Григорьева, одного из основателей этой традиции, подводившего итоги жизненного пути своего университетского друга: «Я не нахожу в нём самостоятельности, тем менее оригинальности мысли. Он думал только о том, о чём случалось прежде думать другим, и думал о каждом предмете так, как думали те из его современников, которых он считал умнейшими. Не заходил он ни в какую неразработанную до него область истории, никакого загадочного явления её не облил светом своей мысли, не проложил никакой новой тропы, не открыл никакого нового приёма в облегчение последующим изыскателям. Во всём, им деланном, ему собственно принадлежала только артистическая отделка вычитанного, художественная передача чужого, ничего при этом ему не стоившая, потому что, по условиям его природы, всё, исходившее из его духа, не могло исходить иначе, как в прекрасных формах»³⁹.

Отвечая на подобного рода упрёки, сам Грановский писал о стиле исторических исследований грядущего, которые будут в состоянии выполнить ту высокую роль, которую призвана выполнять историческая наука. В этих неутраченных, на наш взгляд, своей актуальности и сегодня словах звучит вера «неисправимого западника» в будущее русской науки, в которой, по мысли Грановского, должны будут найти выражение коренные черты нашего национального характера: «Одно из главных препятствий, мешающих благотворному действию Истории на общественное мнение, заключается в пренебрежении, какое историки обыкновенно оказывают к большинству читателей. Они, по-видимому, пишут только для учёных, как будто История может допустить такое ограничение, как будто она по самому существу своему не есть самая популярная из всех наук, призывающая к себе всех и каждого. К счастью, узкие понятия о мнимом достоинстве науки, унижающей себя исканием изящной формы и общедоступного изложения, возникшие в удушливой атмосфере немецких учёных кабинетов, несвойственны русскому уму, любящему свет и простор. Цеховая, гордая своею исключительностью наука не в праве рассчитывать на его сочувствие»⁴⁰.

Примечания

- 1 Именно так названа его научно-популярная работа. См.: *Левандовский А. А.* Время Грановского: У истоков формирования русской интеллигенции. М., 1990.
- 2 Об освещении истории гуситского движения в лекционном курсе Т. Н. Грановского см. подробнее: *Аси-*

новская С. А. Из истории передовых идей в русской медиевистике (Т. Н. Грановский). М., 1955. С. 126–127.

- 3 *Неверов Я. М.* Тимофей Николаевич Грановский, профессор Московского университета. Воспоминания. 1834–1856 гг. // *Русская старина*. 1880. Кн. 4. С. 749–750.
- 4 Там же. С. 750.
- 5 Там же.
- 6 Там же.
- 7 Там же. С. 745.
- 8 *Григорьев В.* Грановский до его профессорства в Москве // *Русская беседа*. 1856. Кн. 4. С. 36.
- 9 *Воздвигнутая история* (лат.).
- 10 *Грановский Т. Н.* Письмо Н. В. Станкевичу и Я. М. Неверову от 29 апреля 1838 г. // *Т. Н. Грановский и его переписка*: в 2 т. Т. 2: Переписка Т. Н. Грановского. 2-е изд. М., 1897. С. 338.
- 11 Там же. С. 333.
- 12 Там же. С. 333–334. См. также оценки и характеристики чешских «будителей» из письма Грановского Григорьеву, посланного из Праги: «Эти люди работают не для себя, и только Бог в том мире заплатит им... Во многом они, кажется, ошибаются. Но эти заблуждения так светлы, так извинительны... Шафарик, Палацкий, Юнгман, Челяковский – отличные люди, вблизи и вдаль» (*Григорьев В.* Указ. соч. С. 41–42).
- 13 См. строки из писем Грановского: «Я не знаю, чему удивиться более в Шафарике: его великой учёности или истинно великому характеру» (*Грановский Т. Н.* Письмо Н. В. Станкевичу и Я. М. Неверову от 27 апреля 1838 г. // *Т. Н. Грановский и его переписка*. Т. 2. С. 332); «У Шафарика я провёл целый вечер. Говорили о разных вещах... во всём он показал и знание дела и глубокое участие ко всему человеческому» (*Грановский Т. Н.* Письмо Н. В. Станкевичу и Я. М. Неверову от 29 апреля 1838 г. // Там же. С. 334).
- 14 *Григорьев В.* Указ. соч. С. 40–41.
- 15 *Каменский З. А.* Тимофей Николаевич Грановский. М., 1988. С. 53.
- 16 *Станкевич А.* Биографический очерк // *Т. Н. Грановский и его переписка*. М., 1897. Т. 1. С. 78.
- 17 *Грановский Т. Н.* Письмо Н. В. Станкевичу и Я. М. Неверову от 29 апреля 1838 г. // *Т. Н. Грановский и его переписка*. Т. 2. С. 339.
- 18 *Григорьев В.* Указ. соч. С. 40.
- 19 В настоящее время большинство славистов полагает, что Краледворская рукопись представляет искусную подделку, которая была составлена чешским учёным и литератором В. Ганкой и его другом и поэтом Й. Линдой.
- 20 Т. Н. Грановский и его переписка. Т. 2. С. 343.
- 21 Там же.
- 22 В становлении (нем.).
- 23 *Неверов Я. М.* Указ. соч. С. 761.
- 24 *Грановский Т. Н.* Волин, Иомсбург и Винета. Историческое исследование // *Грановский Т. Н.* Сочинения: в 2 ч. 3-е изд. М., 1892. Ч. 1. С. 184.
- 25 В воспоминаниях С. М. Соловьёва представлен образ этого человека, который, по словам великого русского

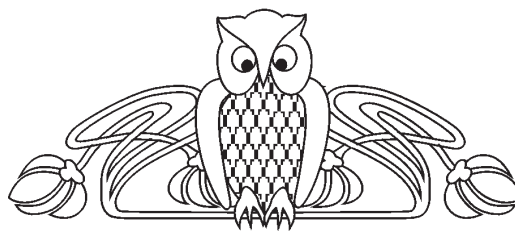

- историка, «для достижения почестей считал все средства позволительными. Нипочём было ему очернить человека, загораживающего ему дорогу, погубить его в общественном мнении, нипочём было унизиться до самой гнусной, невообразимой лести перед человеком и перед лакеем человека сильного» (Соловьёв С. М. Избранные труды. Записки. М., 1983. С. 256).
- ²⁶ См.: Левандовский А. А. Время Грановского. С. 114–115.
- ²⁷ См.: Левандовский А. А. Т. Н. Грановский в русском освободительном движении. М., 1989. С. 84.
- ²⁸ Грановский Т. Н. Письмо Н. Х. Кетчеру // Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. 2. С. 464.
- ²⁹ С. П. Шевырёв, О. М. Бодянский – профессора историко-филологического факультета Московского университета. Следует отметить, что противником Грановского выступил тот самый Бодянский, который знакомил его с деятелями Чешского Возрождения в Праге и о котором он отзывался в тогдашних письмах самым добрым образом: «Славный и дельный малый» (Григорьев В. Указ. соч. С. 40); «Из него будет отличный профессор славянских языков. Он говорит по чешски, как чех» (Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. 2. С. 339).
- ³⁰ Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. 2. С. 463.
- ³¹ Оппонентами на защите диссертации выступили С. П. Шевырёв, О. М. Бодянский и известный историк М. П. Погодин.
- ³² Герцен А. И. Дневник. 1842–1845 // Герцен А. И. Собр. соч. : в 30 т. М., 1954. Т. 2. С. 406.
- ³³ Там же. С. 408. В биографическом очерке А. В. Станкевича заключительные слова обращения Т. Н. Грановского приводятся в другой редакции: «Мы, равно и вы и я, принадлежим к молодому поколению – тому поколению, в руках которого жизнь и будущность России, России, преобразованной Петром, России, идущей вперёд, и с равным презрением внимающей и клеветам иноземцев, которые видят в нас только легкомысленных подражателей западным формам, без всякого собственного содержания, – и старческим жалобам людей, которые любят не живую Русь, а ветхий призрак, вызванный ими из могилы, и нечестиво преклоняются пред кумиром, созданным их праздным воображением» (Станкевич А. Указ. соч. С. 138).
- ³⁴ Во всяком случае, именно 1845 год стал «кульминационным в иконографии Грановского»: именно в этом году увидело свет наибольшее число дошедших до наших дней портретов учёного. См.: Вейнберг А. Л. Иконография Тимофея Николаевича Грановского // Тимофей Николаевич Грановский. М., 1970. С. 67.
- ³⁵ Гутнова Е. В., Асиновская С. А. Грановский как историк // Грановский Т. Н. Лекции по истории средневековья. М., 1987. С. 342.
- ³⁶ Аллатов М. А. Труды Т. Н. Грановского // Очерки истории исторической науки в СССР : в 2 т. М., 1955. Т. 1. С. 443.
- ³⁷ Косминский Е. А. Жизнь и деятельность Т. Н. Грановского // Вестн. Моск. ун-та. 1956. № 4. С. 120–121.
- ³⁸ Грановский Т. Н. Волин, Йомсбург и Винета. Историческое исследование. С. 224.
- ³⁹ Григорьев В. Указ. соч. С. 57. В. П. Бузескул, называя Т. Н. Грановского «гармонически художественной натурой, историком-художником», «Пушкиным историком», не считает возможным говорить о нём как о самостоятельном исследователе. См.: Бузескул В. П. Всеобщая история и её представители в России в XIX и начале XX века. М., 2008. С. 74–75.
- ⁴⁰ Грановский Т. Н. О современном состоянии и значении всеобщей истории. Речь, произнесённая в торжественном собрании Императорского Московского Университета 1852 года, января 12 дня // Грановский Т. Н. Сочинения : в 2 ч. 3-е изд. М., 1892. Ч. I. С. 26–27.

УДК 93/99 (4/9)

РЕАЛИЗАЦИЯ АМЕРИКАНСКОЙ СТРАТЕГИИ «РАСПРОСТРАНЕНИЯ ДЕМОКРАТИИ» ПОСРЕДСТВОМ УРЕГУЛИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В ПЕРИОД ВТОРОГО ПРЕЗИДЕНТСКОГО СРОКА Р. РЕЙГАНА

С. Н. Белевцева

Курский государственный университет
E-mail: SNBelevtseva@yandex.ru

В статье рассмотрено применение американской стратегии «распространения демократии» в качестве идеологического оформления действий США по урегулированию региональных конфликтов. Показано варьирование между военной и невоенной составляющими этой стратегии.

Ключевые слова: американская демократия, региональные конфликты, противостояние СССР и США.

Realization of the American Strategy of «Distribution of Democracy» by Means of Settlement of Regional Conflicts During the R. Reagan's Second Presidential Term

S. N. Belevtseva

In the article application of the American strategy of «distribution of democracy» as ideological registration of actions of the USA on settlement of regional conflicts is considered. The variation between military and not military components of this strategy is shown.